

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-11-2>

УДК 316

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ НА УКРАИНЕ ПЕРЕД НАЧАЛОМ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ: РЕЛИГИОЗНЫЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Васьков М.А.¹, Ковров В.В.², Попов М.Ю.³, Самыгин С.И.⁴
Южный федеральный университет¹,
Вятский государственный университет²,
научный журнал «Наука. Образование. Современность»³,
Ростовский государственный экономический университет⁴

Аннотация. Статья посвящена изучению религиозной ситуации на Украине, сложившейся к началу специальной военной операции (СВО), и влиянию внешнеполитических и внутреннеполитических факторов на религиозную жизнь в стране. Особое внимание уделено украинскому православию как доминирующей конфессии, оказывающей существенное влияние на украинское общество. Методология исследования основана на применении методов текстологического, сравнительного и исторического анализа. Результаты исследования, отраженные в статье, показывают ситуацию в сфере религиозной жизни на Украине, сложившаяся к началу СВО, характеризуется большим разнообразием действующих в стране религиозных организаций с преобладанием православных организаций, принадлежащих к различным юрисдикциям, высоким уровнем религиозности населения и крайней политизацией религии, проявляющейся как на уровне личного религиозного поведения, так и в деятельности религиозных институтов. Показано на конкретных примерах, что раздробленность господствующей украинской конфессии – православия – вызвана не вероисповедными, а исключительно политическими причинами; причем, в их число входят как внутривнутриполитические, так и внешнеполитические факторы. Последние являются определяющими, так как в результате государственного переворота 2014 года Украина находится, фактически, под внешним управлением стран западного мира. Это обстоятельство, вкупе с агрессивной русофобией пришедших к власти политических сил, является основной причиной постоянного давления, оказываемого на Украинскую православную церковь (Московского патриархата). Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения положения религиозных организаций на Украине.

Ключевые слова: религия, политика, Украина, религия на Украине; Украинская православная церковь (Московского патриархата), Украинская православная церковь (Киевского патриархата), Православная церковь Украины.

RELIGIOUS SITUATION IN UKRAINE BEFORE THE START OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION: RELIGIOUS, SOCIAL AND POLITICAL ASPECTS

Maxim A. Vaskov¹, Vladimir V. Kovrov², Mikhail Y. Popov³, Sergey I. Samygin⁴
Southern Federal University¹,
Vyatka State University²,
scientific journal "Science. Education. Modernity"³,
Rostov State University of Economics⁴

Abstract. The article is devoted to the study of the religious situation in Ukraine that had developed by the beginning of the special military operation (SMO) and the influence of foreign and domestic political factors on religious life in the country. Particular attention is paid to Ukrainian Orthodoxy as the dominant confession, which has a significant influence on Ukrainian society. The research methodology is based on the use of textual, comparative and historical analysis. The results of the study, reflected in the article, show the situation in the sphere of religious life in Ukraine that had developed by the beginning of the SMO, characterized by a wide variety of religious organizations operating in the country with a predominance of Orthodox organizations belonging to different jurisdictions, a high level of religiosity of the population and extreme politicization of religion, manifested both at the level of personal religious behavior and in the activities of

religious institutions. It is shown on specific examples that the fragmentation of the dominant Ukrainian confession - Orthodoxy - is caused not by religious, but exclusively by political reasons, and these reasons include both domestic and foreign policy factors. The latter are decisive, since as a result of the 2014 coup d'état, the state of Ukraine is, in fact, under the external control of Western countries. This circumstance, coupled with the aggressive Russophobia of the political forces that came to power, is the main reason for the constant pressure exerted on the Ukrainian Orthodox Church (Moscow Patriarchate). The results of the study can be used for further study of the situation of religious organizations in Ukraine.

Keywords: religion, politics, Ukraine, religion in Ukraine; Ukrainian Orthodox Church (Moscow Patriarchate), Ukrainian Orthodox Church (Kyiv Patriarchate), Orthodox Church of Ukraine.

Введение.

В течение последних лет в отечественной научной литературе опубликовано достаточно много работ, посвященных истории отдельных религиозных организаций в современной Украине, их взаимоотношениям друг с другом и с украинским государством. Основной объем работ, что вполне естественно, посвящен положению украинских православных юрисдикций, и, прежде всего, Украинской православной церкви (Московского патриархата). (Отметим, что в 2022 году, после начала специальной военной операции, УПЦ изменила свое название, убрав из него указание на Московский патриархат. Мы пользуемся прежним названием этой религиозной организации, так как у нас речь идет о событиях, предшествовавших этому изменению). Однако следует отметить, что при изобилии работ, освещающих отдельные (пусть и важнейшие) аспекты религиозной жизни Украины и государственно-конфессиональных отношений в этой стране, в отечественной научной литературе пока что наблюдается явно недостаточно работ обобщающего характера, описывающих религиозно-политическую ситуацию на Украине в целом в контексте особенностей религиозной жизни, характерных для украинского общества [1]. Между тем, исследования подобного рода нам представляются особенно актуальными в современной ситуации: после начала СВО в религиозной сфере Украины происходят бурные и драматические процессы, понимание которых невозможно без обобщающего анализа ситуации, сложившейся до начала СВО.

В предлагаемой статье предпринимается попытка провести, опуская детали, уже неоднократно становившиеся предметом научного внимания, обобщающий анализ украинской религиозной ситуации до начала СВО, предваряемый анализом особенностей религиозной ситуации на Украине в целом.

Обсуждение. Результаты.

Религиозная ситуация на Украине имеет ряд характерных особенностей, отличающих ее

как от России, так и от большинства современных европейских государств. Эти отличия необходимо учитывать при анализе, чтобы не попасть в своеобразную ловушку. Такая ловушка возникает, когда исследователь, ориентируясь на несомненную близость российского и украинского обществ, обусловленную общим генезисом и историей, неоправданно экстраполирует эту близость и на религиозную ситуацию. В ряду таких особенностей религиозной ситуации на Украине на первое место мы бы поставили намного более высокий, чем в России, уровень религиозности украинского населения.

Отметим, что любые оценки уровня религиозности какого-либо общества неизбежно опираются на какие-либо формальные признаки – как правило, на статистические оценки процентной доли людей, регулярно совершающих религиозные обряды, посещающих богослужения, выполняющих иные предписания исповедуемой религии. Поэтому, зачастую, трудно с уверенностью судить о том, с чем мы в действительности имеем дело – с подлинным религиозным рвением или же, возможно, с приверженностью традиционному укладу жизни, характерному, например, для жителей сельских районов. Тем не менее, мы вынуждены, в большинстве случаев, особенно когда речь идет о значительных группах населения, опираться именно на формальные критерии.

Итак, согласно данным социологических опросов [10], уровень религиозности населения Украины в целом превосходит уровень религиозности населения России. Соответственно, есть все основания считать, что позиция, занимаемая ведущими религиозными организациями Украины по тому или иному вопросу, будет оказывать существенное влияние на поступки украинских граждан.

Следующей отличительной особенностью религиозной карты Украины является ее чрезвычайная пестрота. Украинское население демонстрирует не только достаточно высокий уровень

религиозности, но и многообразии своих религиозных предпочтений, но это тема отдельного исследования.

Еще одной важной особенностью религиозной ситуации на Украине является крайняя политизация религиозной жизни украинского общества. Особенно ярко это проявляется в отношении граждан Украины к различным действующим в стране православным юрисдикциям, о чем мы будем подробнее говорить ниже [2, с.95]. Сейчас же отметим, что политизация религии проявляется не только на институциональном уровне, когда государство или общественные движения, с одной стороны, оказывают предпочтение религиозным организациям в зависимости от их политических установок, и, с другой стороны, сами религиозные институты активно участвуют в политике. Мы можем также говорить и о политизации на уровне личного религиозного выбора и личных религиозных предпочтений, когда принадлежность к той или иной религиозной организации определяется не столько собственно религиозными убеждениями индивида, сколько совпадением либо несовпадением собственных политических ориентиров с политическими ориентирами религиозной организации. Разумеется, это относится только к части верующих, наиболее политически активной: многие люди, как показывают результаты социологических опросов, заявляют о себе как о «просто православных», не считая нужным идентифицировать себя с той или иной юрисдикцией. Впрочем, к подобным результатам следует относиться с известной долей осторожности: в условиях, когда государство высказывает явные политически мотивированные предпочтения одним религиозным организациям и подвергает гонениям другие, многие респонденты могут скрывать свою принадлежность к неодобряемым юрисдикциям.

Несмотря на все сложности, мы все же можем с уверенностью констатировать, что политические ориентации и предпочтения проникли во все уровни религиозной жизни украинского общества намного глубже, чем это можно видеть в России или практически в любой другой европейской стране, и оказывают чрезвычайно серьезное, а иногда даже определяющее, влияние как на действия религиозных институтов, так и на религиозное поведение индивидов.

Говоря об особенностях религиозной ситуации на Украине, необходимо отметить и такую ее черту, как активное вмешательство украинского государства в религиозную жизнь и дея-

тельность религиозных организаций. Это напрямую связано с отмеченной нами выше политизацией религии на Украине в целом. Вмешательство украинского государства часто принимает форму прямого диктата. Показательным примером здесь является история возникновения Православной церкви Украины (ПЦУ), которую мы более подробно осветим ниже. Сейчас же отметим только то, что создание этой религиозной организации происходило под прямым руководством президента Украины Петра Порошенко и Верховной рады Украины [8]. Это, пожалуй, один из немногих, если не единственный в новейшей истории европейских стран пример настолько явного и прямого вмешательства государства в ту сферу, которая, отметим это, декларируется как отделенная от государства украинским законодательством.

Следует также подчеркнуть, что активное вмешательство в украинскую религиозную жизнь происходит не только со стороны собственно украинского государства. Крайне активное вмешательство осуществляется со стороны иностранных государств, проводящих собственную политику, зачастую, враждебную интересам народов Украины. В этом нет ничего неожиданного – после государственного переворота 2014 года и прихода к власти ориентированных на Запад националистических сил государство, фактически, попало под внешнее управление и потеряло способность проводить самостоятельную политику, в том числе, и в сфере государственно-конфессиональных отношений. Характерный пример – упомянутое выше создание ПЦУ, происходившее не только под руководством украинских властей, но и под кураторством государственных служб США, чему есть многочисленные свидетельства.

Существенным моментом, отличающим положение религиозных организаций Украины от их положения в России, является законодательное положение, согласно которому каждая религиозная община является самостоятельным юридическим лицом и имеет право самостоятельно, без оглядки на вышестоящие религиозные институты, решать вопросы о своей принадлежности к той или иной юрисдикции. При этом на практике, как показывают многочисленные примеры, органами государственной власти не всегда проводится различие между собственно религиозной общиной; то есть, между сообществом прихожан того или иного храма или другого религиозного центра и сообществом жителей местности, в которой находится данный религиозный центр. Это, в результате, приводит к тому, что переход какого-

либо прихода из одной церковной юрисдикции в другую может быть сравнительно легко организован, фактически, подставными лицами, например, местными жителями, заявившими о себе, как о прихожанах. Подобные злоупотребления неоднократно отмечались в ходе захватов приходов канонической Украинской православной церкви (Московского патриархата) представителями других действующих на Украине церковных юрисдикций. Конечно же, это не может происходить без поддержки органов власти украинского государства, что еще раз заставляет нас вспомнить о практике государственного вмешательства в жизнь религиозных организаций.

Итак, мы можем заключить, что религиозная ситуация на Украине имеет ряд отличительных особенностей по сравнению не только с Россией, как ближайшей по культурным и историческим корням страной, но и по сравнению с большинством европейских стран. К числу таковых относятся, в первую очередь, чрезвычайная пестрота религиозной палитры с целым рядом конкурирующих между собой религиозных институтов, сравнительно высокий уровень религиозности населения, ярко выраженная политизация всех сторон религиозной жизни и активное вмешательство как украинского государства, так и иностранных государств в религиозную жизнь.

Охарактеризовав украинскую ситуацию в целом, сосредоточимся теперь на положении дел в украинских православных церквях, к которым, в совокупности, относит себя абсолютное большинство населения Украины, сложившееся к началу специальной военной операции (СВО) Вооруженных сил Российской Федерации.

Украинские православные организации, к какой бы юрисдикции они не относились, соседствуют на Украине с католицизмом, и имеют с ним, зачастую, довольно непростые отношения.

Как мы уже отметили выше, на Украине действует в настоящее время несколько православных церквей, различающихся по численности, каноническому статусу, то есть признанности другими православными церквями (мировым православием), влиянию на общество, политической ориентацией.

Мы начнем наш обзор с тех церковных структур, которые выступали в новейшей истории Украины в качестве «конкурентов» УПЦ (МП) – наиболее крупной и, как мы говорили, единственной признаваемой всем мировым православием украинской церкви, и дадим им краткую характеристику.

Наименьшей по численности приходов и верующих до недавнего времени была Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ). Эта религиозная организация была создана после получения Украиной статуса независимого государства националистически и антиросийски настроенными иерархами, стремившимися воплотить в жизнь лозунг о «независимой от России церкви», якобы нужной независимому государству как его неперемный атрибут. Совершенно очевидно, что создание УАПЦ преследовало исключительно политические цели, было призвано оторвать украинскую церковь, и, как следствие, украинский народ от России. Но эту попытку надо признать не слишком удачной: УАПЦ так и не приобрела влияния, хоть скольконибудь сопоставимого с влиянием канонической Украинской православной церкви, и не была признана мировым православием. То есть, УАПЦ оставалась, с точки зрения православных канонов, раскольнической структурой маргинального характера на протяжении всей своей недолгой истории. В 2018 году, после проведения, так называемого «объединительного собора», о котором речь пойдет ниже, УАПЦ фактически прекратила свое существование, а в следующем году была официально ликвидирована, несмотря на безуспешные попытки хоть в каком-то объеме реанимировать ее деятельность.

Украинская православная церковь Киевского патриархата (УКЦ КП) была создана в 1998 году как еще одна «альтернатива» канонической церкви [9]. И так же, как и в случае с УАПЦ, ее создание не было вызвано какими-либо собственно религиозными причинами, наподобие разногласий в вероучительных вопросах, а лишь исключительно политическими мотивами, помноженными на амбиции отдельных церковных иерархов. На примере УПЦ КП очень хорошо видны деструктивные действия антиросийски настроенных представителей украинского политического истеблишмента, оказывавших всяческую поддержку раскольническим тенденциям в украинском православии, и преследовавших не скрываемую ими цель – любыми способами оторвать украинское православие от России.

УПЦ КП обязана своим существованием, прежде всего, властолюбивым устремлениям одного человека – митрополита Филарета (Денисенко), амбиции которого совпали с устремлениями украинских политиков, нацеленных на разрыв украинско-росийских связей. Митрополит Филарет (Денисенко) был одним из самых известных и уважаемых иерархов Русской православной

церкви, обладавшим большой личной харизмой, с очень большими перспективами в церковной карьере. После кончины Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго Филарет становится, до выборов нового предстоятеля, местоблюстителем патриаршего престола. По сложившейся в РПЦ традиции, иерарх, избранный для исполнения обязанностей местоблюстителя, практически наверняка будет избран следующим Патриархом. Однако выборы, неожиданно для многих, окончились избранием на патриарший престол митрополита Кирилла (Гундяева). Узвзленный в своем самолюбии, митрополит Филарет, вместе с рядом иерархов УАПЦ, объявляет о создании новой автокефальной церкви – УПЦ КП. Эти действия, приведшие к самому серьезному расколу в рядах Русской православной церкви за последние десятилетия, и поставившие, фактически, под вопрос, будущее украинского православия, нашли поддержку ведущих украинских политиков. Особенно отчетливо эта поддержка проявилась во время трагических событий 2013 – 2014 гг.; то есть во время государственного переворота. Филарет и до этих событий неоднократно выступал с политическими заявлениями, в которых демонстрировал свою убежденность в необходимости максимального разрыва с Россией и сближения с Западом, а после начала переворота он, как и следовало ожидать, всецело поддержал организаторов и участников антиправительственного мятежа и словом, и действием. Приходы УПЦ КП стали, фактически, штабами и опорными пунктами ультраправых участников мятежа, где участники столкновений находили кров, питание, медицинскую помощь, поддержку священников. Политические силы, пришедшие к власти после переворота, демонстрировали всяческую поддержку УПЦ КП: как на символическом уровне – например, демонстративно посещая богослужения в храмах УПЦ, и пренебрегая при этом храмами канонической УПЦ (МП), так и оказывая УПЦ вполне существенную административную поддержку. Так, например, президент Петр Порошенко, будучи крещеным в УПЦ (МП), посещал на праздники храмы раскольников из УПЦ КП, тем самым демонстрируя, какой именно юрисдикции оказывает покровительство украинское государство, взявшее курс на полный разрыв всех связей с Россией. Параллельно продолжались и захваты храмов канонической церкви – собственно, этот процесс происходил на Украине почти беспрерывно с того самого момента, как в стране стали возникать «альтернативные» православные юрисдикции.

Таким образом, мы видим, что УПЦ КП на протяжении всего времени своего существования в независимом украинском государстве представляло собой не что иное, как инструмент борьбы с канонической православной церковью, связанной с Россией, ненавистной светским и церковным сепаратистам.

К моменту начала специальной военной операции самой крупной из «альтернативных» православных церквей Украины стала Православная церковь Украины (ПЦУ), созданная в 2018 году [10]. История создания этого религиозного объединения, пожалуй, наиболее наглядным образом иллюстрирует, сформулированные нами выше, тезисы о чрезвычайной политизации украинской религиозной жизни и широком вмешательстве государства в дела верующих [5]. Возникновение ПЦУ напрямую связано с предвыборной активностью президента Украины Петра Порошенко, который проводил свою предвыборную кампанию под лозунгом «церковь, язык, армия».

Как мы говорили выше, украинские националисты давно вынашивали планы создания независимой украинской церкви, и в результате таких попыток были созданы, охарактеризованные нами выше, церковные структуры. Однако говорить о полном успехе было сложно: ни одна из этих церквей не была признана мировым православием, их иерархи и священнослужители рассматривались другими православными церквями, в лучшем случае, как раскольники, учинившие, пользуясь терминологией церковных канонов, самочинное сборище. В худшем же случае, если рукоположения были совершены уже в самих этих структурах – как лица, не получившие канонического рукоположения, остающиеся мирянами, и, следовательно, не могущие совершать священнические таинства.

Перед националистами стояла задача либо добиться признания уже существующих расколлических структур, либо же, если это невозможно, создать новую, признанную другими православными церквями, структуру.

Первая задача оказалась нереализуемой, и во многом благодаря амбициям иерархов непризнанных юрисдикций. Признание одной структуры, если бы оно состоялось, автоматически означало бы для другой выбор: остаться в статусе раскольников или подчиниться признанной иерархии, и войти, через покаяние или повторное рукоположение, в признанную юрисдикцию.

План, проводимый в жизнь Петром Порошенко, озвучивался как шанс получить на Украине каноническую церковь и поставить точку в

церковном расколе. Этот план предполагал создание новой, объединенной церкви, включающей в себя все три основные православные юрисдикции: УПЦ (МП), УПЦ КП и УАПЦ. Новая церковь должна была получить канонический статус автокефальной, то есть автономной, самоуправляемой церкви. Предполагалось, что это осуществит Патриарх Константинопольский Варфоломей, носящий титул Вселенского патриарха. Этот план горячо поддержали практически все националистические политические силы, представленные в Верховной раде Украины (ВРУ). Свое согласие, в ответ на обращение к нему, выразил и Константинополь. Но этот план объединения церквей, если воспринимать его всерьез и буквально как план действительного преодоления многолетнего раскола в украинском православии, имел крайне существенный недостаток, и любому здравомыслящему наблюдателю было изначально ясно, что вместо объединения возникнет новая конкурирующая структура. Как мы уже отмечали, в этом процессе основная роль отводилась Вселенскому патриарху, который должен был даровать автокефалию новой церкви. Следовательно, план был бы реализован полностью только в том случае, если бы все православные церкви, в том числе и РПЦ, признавали за Вселенским патриархом право единолично даровать и снимать автокефалию. Ключевым моментом здесь было бы, как очевидно, признание этого права за Константинополем со стороны Русской православной церкви, так как УПЦ (МП) обладает статусом автономной церкви в составе РПЦ, и это признается как каноническое основание существования УПЦ (МП) всем мировым православием. Создание объединенной церкви Константинополем означало бы признание Московским патриархатом не только единоличного права Константинополя, фактически, создать новую церковь, но и его права отменить нынешний статус УПЦ (МП); то есть, ликвидировать одну из структур РПЦ.

В наши задачи не входит обсуждение всех канонических и исторических аспектов вопроса, нам достаточно лишь зафиксировать позиции обеих сторон, которые, в конечном итоге, таковы: Вселенский патриархат считает, что он наделен правом дарования и снятия автокефалии. Кроме того, Константинополь исходит из того, что он в прошлом передал, также единолично, Москве временное право на управление Киевским престолом, и, следовательно, сохраняет за собой возможность лишиться этого права Москву. Московский патриархат исходит из того, что Константинополь обладает, выражаясь языком церковных

канонов, только лишь первенством чести; то есть, первенством символическим, а вопросы автокефалии решаются всеобщим согласием всех православных церквей. Любые действия Константинополя на Украине, предпринятые без согласия Москвы, будут грубым нарушением канонов и недопустимым вмешательством в дела на канонической территории РПЦ.

Позиция РПЦ имеет прочные исторические основания, обоснована с позиций православного канонического права, и, как показали дальнейшие события, разделяется, в той или иной степени, большинством православных церквей. Притязания Константинополя покоятся, с позиций православных канонов, на довольно шатких основаниях, и отражают, скорее, церковно-политические амбиции Константинопольского престола, неизменно демонстрирующего полную лояльность политике ведущих западных стран во главе с США, и пользующегося политической поддержкой этих стран.

И украинский президент, и украинский парламент были прекрасно информированы о позиции Москвы – РПЦ неоднократно публично ее озвучивала. Не находился в информационном вакууме и Константинополь – между обеими церквями шли интенсивные переговоры. Следовательно, ни Киев, ни Константинополь, несмотря на все свои публичные заявления, не могли сомневаться: создание новой церковной структуры не прекратит, а только углубит украинский раскол, и с огромной вероятностью вызовет глубокий кризис в мировом православии.

Исходя из выше изложенного, можно сделать только один вывод: основные акторы этого процесса сознательно шли на углубление раскола в украинском православии. Разрыв достигался приданием новой «параллельной» структуре более прочного, по сравнению с прежними структурами, статуса и веса. И эти действия волне укладываются в общую логику действий западных сил: создания на Украине некой «Анти-России», превращения украинского государства в плацдарм противодействия российскому государству [3].

Церковный собор, названный официально «объединительным», дал вполне предсказуемый результат [5]. Новая церковь – ПЦУ – была создана путем слияния УАПЦ и УПЦ КП; причем, УПЦ КП, как значительное более крупное объединение, и составило основу ПЦУ. Что же касается крупнейшего объединения; то есть, УПЦ (МП), то от канонической церкви на этом соборе присутствовало только два архиерея, порвавших

со своей церковью. Ожидаемо, создание ПЦУ привело только к углублению раскола и новым притеснениям, которым подверглась каноническая украинская церковь: ПЦУ продолжила недобрую практику своих предшественников по захвату храмов УПЦ (МП). Разумеется, все это происходило и происходит с одобрения и при поддержке украинских властей. Не менее ожидаемо было и непризнание новой церковной организации Русской церковью и большинством православных церквей мира.

Таким образом, появление ПЦУ преследовало одну цель: подобно тому, как постмайданное украинское государство должно было, по замыслу своих западных покровителей, служить «тараном», направленным против единства русского и украинского народов, так и постмайданная украинская церковь (то есть, ПЦУ) стала инструментом разрушения единства русского и украинского православия.

Как мы уже отмечали, Украинская православная церковь (Московского патриархата), возглавляемая митрополитом Онуфрием, является крупнейшей из православных церквей Украины [4, с.966]. Это вообще самая большая по численности религиозная организация в государстве, объединяющая большинство украинских граждан, считающих себя верующим. По крайней мере, об этом можно было уверенно говорить до недавнего времени: после образования ПЦУ и начала активного захвата приходов УПЦ (МП) ее представителями статистические данные начали смещаться в сторону ПЦУ. Некоторые украинские источники через два-три года после образования ПЦУ стали даже утверждать, что ПЦУ обогнала по численности своих последователей каноническую церковь. Однако есть все основания относиться к подобным данным с изрядной долей скепсиса: украинское государство, оказывающее предпочтение ПЦУ, как и разделяющие подобный подход исследователи, явно заинтересованы в том, чтобы продемонстрировать внутриукраинский «триумф» ПЦУ, особенно на фоне весьма скромных успехов этой церкви в ее признании мировым православием. К тому же, у ангажированных исследователей, зачастую, нет нужды прибегать к прямым фальсификациям, грозящим обернуться скандалом.

Практика захватов храмов канонической церкви демонстрирует довольно много случаев, когда попытка такого захвата приводит к разделению прихожан на два лагеря, возглавляемых священниками соперничающих юрисдикций, и к противоборству за храм – иногда юридическому,

иногда и силовому. Любая подобная ситуация позволяет, при желании, объявить состоявшимся переход общины из одной юрисдикции в другую, не принимая в расчет неприсоединившуюся часть общины – особенно, если состоялся захват храмового здания. После начала СВО ситуация еще более осложнилась. Таким образом, говорить о достоверной статистике в настоящее время не представляется возможным.

УПЦ (МП) постоянно подвергается нападкам не только со стороны ПЦУ. Со стороны правых и ультраправых украинских политических движений в адрес канонической церкви постоянно звучат обвинения в «коллораборационизме»; то есть, в лексиконе антироссийских сил, в сотрудничестве с Россией. Речь идет именно о политических обвинениях – УПЦ обвиняют в продвижении политических интересов российского государства, в поддержке Донецкой и Луганской народных республик, и вообще всех сил, стремящихся к воссоединению с Россией. Эти обвинения начали звучать в публичном поле практически с момента получения независимости и активизации на Украине русофобских политических сил, но особую резкость и массовость они приобрели после начала «русской весны» 2014 года, когда подобные речи начали произноситься с самых высоких государственных трибун. В дальнейшем, накал обвинений только усиливался, и достиг своего пика после начала СВО.

Но если в риторике украинских националистов УПЦ (МП) предстает как единая «антиукраинская» сила, то в действительности, ситуация в этой церкви намного более неоднозначная. Несколько упрощая, можно сказать, что в УПЦ (МП) к моменту начала СВО сложились два основных лагеря: сторонников единства с РПЦ (МП) и сторонников полной автокефалии. Можно было бы предположить, приверженцы первого крыла из числа иерархов, священников и мирян, если не симпатизирует России, то, по крайней мере, не испытывают к нашей стране враждебных чувств. Сторонников автокефалии, в таком случае, можно было бы считать людьми с противоположной политической ориентацией. Однако и это было бы упрощением: такие тенденции, безусловно, есть, но есть и еще один важнейший фактор, не имеющий прямого отношения к политике. В самосознании верующих УПЦ (МП) огромную роль играют вопросы каноничности. Бесспорный и признаваемый всеми, в том числе и самыми непримиримыми оппонентами канонический статус УПЦ (МП) – не столько предмет гордости,

хотя это тоже может присутствовать. Каноничность, в глазах верующего, есть залог действительности церковных таинств и рукоположений священства. Все это, в свою очередь, есть необходимое условие спасения – то есть, высшей цели религиозной жизни. Одностороннее провозглашение автокефалии, гарантированно не признанной Русской церковью, означало бы не только утрату канонического статуса, но и, в предельном случае, лишение возможности спастись. Следовательно, желание части верующих и иерархов украинской церкви сохранить единство с РПЦ (МП), даже несмотря на возможные политические разногласия, вполне может иметь исключительно религиозную мотивацию. Что, собственно, в той или иной форме, неоднократно и озвучивалось представителями украинской церкви.

Итак, ситуация в УПЦ (МП), сложившаяся к началу СВО, является сложной и неоднозначной, а сама церковь, и так подвергающаяся сильнейшему внешнему давлению, имеет серьезные внутренние противоречия, в которых переплетается политическая и религиозная мотивация. Митрополит Онуфрий – искушенный и многоопытный церковный дипломат, но и ему приходилось прикладывать неимоверные усилия для того, чтобы сохранить, насколько это возможно, церковное единство[6]. После начала СВО ситуация для Украинской православной церкви осложнилась еще сильнее, однако, этот вопрос уже выходит за очерченные нами рамки исследования.

Заключение.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, религиозная жизнь украинского общества имеет довольно существенные отличия от, казалось бы, очень близкого к нему в силу исторических и культурных причин общества российского. К числу основных отличий мы

отнесем более высокий в целом уровень религиозности населения, обуславливающий и более значимое влияние религии на все стороны жизни, по сравнению с Россией[7]. Сюда также относятся и крайне высокая степень политизации религии на Украине; причем, это может выражаться как в активном вовлечении в политику религиозных организаций, так и давлении на религиозные организации со стороны политических сил.

Во-вторых, религиозная ситуация на Украине ярко отличается от российской тем, что при аналогичном в России доминировании православия как культуuroобразующей конфессии, украинское православие представлено несколькими юрисдикциями, между которыми сложились крайне непростые отношения. Причем, раздробленность украинского православия обусловлена, в первую очередь, политическими причинами – желанием антироссийски настроенных политических движений видеть на Украине собственную, никак не связанную с Россией, православную церковь. Каноническая Украинская православная церковь (Московского патриархата) стала постоянным объектом нападков: как со стороны этих политических сил, так и со стороны поддерживаемых ими «альтернативных» православных организаций. Сами же эти силы, в свою очередь, после государственного переворота 2014 года являются не чем иным, как орудием ведущих западных держав, реализующих чужими руками антироссийский политический курс. Конечная цель этих сил: ликвидация УПЦ (МП) в ее нынешнем статусе и поглощение «национальной» церковью.

Таким образом, Украинская православная церковь, сохраняющая единство с Русской церковью, в результате действий враждебных России сил оказалась к моменту начала СВО поставлена в условия, угрожавшие самим основам ее существования.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. *Абрамова Е.Н., Аникин В.И. Религия и цивилизационная идентичность в российско-украинских отношениях. // Обозреватель-Observer. 2017. № 7 (330). С. 5-22.*
2. *Дегтярев А.К., Черноус В.В. Конфессиональный раскол как инструмент отчуждения в российско-украинской политике. // Наука, искусство, культура. 2016. Выпуск 1(9). С. 89-96.*

3. Кравцов Д.Н. «Крестный путь» Русского православия на Украине в условиях современной дискриминационной дерусификации антироссийской пропаганды. // *Коммуникология*. 2017. Т.5. № 5. С.163-176.
4. Курьлев К.П., Станис Д.В. Церковный раскол на Украине как следствие государственного переворота в феврале 2014 г. // *Постсоветские исследования*. 2019. Т.2. № 2. С. 963-981.
5. Лункин Р.Н. Политическая ситуация на Украине в свете церковного раскола. // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2018. №6. С. 196-202.
6. Назарова Т.П., Редькина О.Ю., Руднева А.А., Иванов В.А. Православные церкви Украины в условиях политических изменений 2014-2022 гг. // *Современная научная мысль*. 2022. №3. С.130-134.
7. Сенюшкин Е.А. Внутриправославные противоречия на Украине: через инструментализацию религии – к геополитизации конфликта. // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2019. Т. 8. № 1(26). С. 41-45.
8. Снежкова И.А. Современная конфессиональная ситуация на Украине: межконфессиональные проблемы и поиске компромиссов. // *Власть*. 2019. №4. С. 142-146.
9. Фомин А.А., Пархитко Н.П. Украинская автокефалия: путь к независимости или политический проект? // *Постсоветские исследования*. 2019. Т.2. №1. С. 893-896.
10. How do European countries differ in religious commitment? Use our interactive map to find out. Pew Research Center // 15. <https://www.pewresearch.org/short-reads/2018/12/05/how-do-european-countries-differ-in-religious-commitment/> (Accessed 30.08.2024).

References:

1. Abramova E.N., Anikin V.I. Religion and civilizational identity in Russian-Ukrainian relations. // *Observer-Observer*. 2017. No. 7 (330). P. 5-22.
2. Degtyarev A.K., Chernous V.V. Confessional schism as an instrument of alienation in Russian-Ukrainian politics. // *Science, art, culture*. 2016. Issue 1 (9). P. 89-96.
3. Kravtsov D.N. "The Way of the Cross" of Russian Orthodoxy in Ukraine in the context of modern discriminatory de-Russification of anti-Russian propaganda. // *Communicology*. 2017. Vol.5. No. 5. P.163-176.
4. Kurylev K.P., Stanis D.V. Church Schism in Ukraine as a Result of the February 2014 Coup D'etat // *Post-Soviet Studies*. 2019. Vol. 2. No. 2. Pp. 963-981.
5. Lunkin R.N. Political Situation in Ukraine in Light of the Church Schism // *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2018. No. 6. Pp. 196-202.
6. Nazarova T.P., Redkina O.Yu., Rudneva A.A., Ivanov V.A. Orthodox Churches of Ukraine in the Context of Political Changes in 2014-2022 // *Modern Scientific Thought*. 2022. No. 3. Pp. 130-134.
7. Senyushkin E.A. Intra-Orthodox Contradictions in Ukraine: Through the Instrumentalization of Religion - to the Geopoliticization of the Conflict. // *Azimuth of scientific research: economics and management*. 2019. Vol. 8. No. 1(26). P. 41-45.
8. Snezhkova I.A. The current confessional situation in Ukraine: interconfessional problems and the search for compromises. // *Power*. 2019. No. 4. P. 142-146.
9. Fomin A.A., Parkhitko N.P. Ukrainian autocephaly: the path to independence or a political project? // *Post-Soviet studies*. 2019. Vol. 2. No. 1. P. 893-896.
10. How do European countries differ in religious commitment? Use our interactive map to find out. Pew Research Center // 15. <https://www.pewresearch.org/short-reads/2018/12/05/how-do-european-countries-differ-in-religious-commitment/> (Accessed 08/30/2024).

Информация об авторах:

Васьков Максим Александрович, доктор социологических наук, профессор кафедры регионалистики и евразийских исследований, руководитель центра восточнославянских исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, mavaskov@sfedu.ru

Ковров Владимир Викентьевич, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики Вятского государственного университета, г. Киров SPIN-код 4961-9902 Author ID 345689, lev23@list.ru

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, главный редактор научного журнала «Наука. Образование. Современность», pohnov-52@mail.ru, orcid: 0000-0002-2090-0933

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры финансового и HR-менеджмента, Ростовский государственный экономический университет, samygin78@yandex.ru

Maxim A. Vaskov, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Regional Studies and Eurasian Studies, Head of the Center for East Slavic Studies of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University.

Vladimir V. Kovrov, Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy of the Vyatka State University, Kirov.

Mikhail Y. Popov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Editor-in-Chief of the scientific journal "Science. Education. Modernity".

Sergey I. Samygin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Financial and HR Management, Rostov State University of Economics.